

ВЛАДИМИР ОДОЕВСКИЙ
НАУКА ИНСТИНКТА.
ОТВЕТ РОЖАЛИНУ

Владимир Фёдорович Одоевский

Наука инстинкта.

Ответ Рожалину

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=647525

Аннотация

«Напрасно нападали на мысль о внутреннем чувстве; точно так же, как в мире физическом вредная пища нас с вида отвращает, – так точно к другому поступку мы при мысли о нем чувствуем отвращение. Это чувство развитое составляет основание нравственности...»

Содержание

Владимир Федорович Одоевский Наука инстинкта. Ответ Рожалину

Скептику можно ответить следующим выводом: ты не можешь не верить тому, что ты имеешь силу думать, свою мысль сообщать глазам, языку, своей руке, следственно действовать, следственно жить; ты не можешь не верить тому, что ты живешь; если ты живешь – ты родился, если ты родился – есть для тебя начало, если есть начало, то была сила производящая, и так далее.

Напрасно нападали на мысль о внутреннем чувстве; точно так же, как в мире физическом вредная пища нас с вида отвращает, – так точно к другому поступку мы при мысли о нем чувствуем отвращение. Это чувство развитое составляет основание нравственности.

Поступки, в коих преимуществовует один какой-либо элемент: поступок Курциев¹ представляет наиболее поэтическую сторону; поступок человека, который, надев на себя пробковый пояс, спасает человека, – видно одно действие

---

¹ ...поступок Курциев – предание рассказывает, что в 362 г. до н. э. юноша Марк Курций со словами «Нет лучшего блага в Риме, чем оружие и храбрость» бросился в появившуюся на форуме пропасть, которая после этого сомкнулась.

знания; в позе отшельника, удалившегося от мира, не ищущего ни с кем сношения, – одна религиозная сторона. Надобно заметить, что в каждом из сих действий, хоть и *подчиненно*, но существуют и две другие стихии: в преимущественно поэтическом, религ и знаемом? и так далее – по той же причине, почему органическое тело не может существовать без какого-либо своего элемента, хотя в каждом из них они соединены.

То, что не есть ни знание, ни художественное произведение, ни вера и что между тем составляет жизнь нашу, есть то, что называют нравственным поступком. Нравственный поступок есть результат сих трех элементов, отчего то или другое соединение оных производит особенное понятие о нравственности, как то или другое соединение простых тел производит то или другое вещество; оттого в нравственном поступке мы находим, как говорят, ум – т. е. знание, согласное с религиею, и поэтическую прелесть. Есть нравственность в различных пропорциях.

В историческом отношении это преобразование того или другого элемента в нравственные поступки людей есть следующее:

Первый век	{	- элемент поэтический преобладает	} Под общим преобладанием поэзии
		- религиозный	
		- ученый	
Поэзия (времена беспокойные)			
Второй век	{	- ученый	
		- религиозный	
		- поэтический	
Вера (времена индийского и египетского образования)			
Третий век	{	- поэтический	
		- религиозный	
		- ученый	
Знание (времена греков)			
Четвертый век			

Разум и инстинкт могут иметь различные степени в одном и том же человеке, то одолеет один, то другой. Так, например, простое боязливое ханжество вытесняется кощунством Вольтера, кощунство вытесняется сухим мистицизмом, мистицизм [2 нрзб.], но может быть высший синтез, разум с инстинктом, которого трудно, может быть, невозможно достигнуть, но приближаться к нему можно и должно, и потому не должно в последовательном роде теории стихий нашей жизни удерживать себя, боясь показаться непогрешимым; дело в том, чтобы быть всегда искренним.

Лишь страдания выжимают из души светлую, живую, плодоносную мысль. Но не ищите в ней в минуту ее зарождения

возможности применения. Мать еще слаба и ребенок так же; им нужно время для силы. Оттого люди глубокие неспособны на приложение своих мыслей; придут другие – разберут мысль по частям, как труп, и каждой найдут место.

Первобытное инстинктуальное состояние человека не имело нужды в формах для того, чтобы [1 нрзб.] себя; когда ныне оно возвращается к сему состоянию посредством экстатического состояния (как бы состояние поэта), оно ищет образов для своего невыразимого состояния; не имея языка (ибо язык есть предчувствие эпохи разума), оно употребляет приблизительный язык, т. е. символы.

Поэт не должен принадлежать ни к какой партии – как священник, как судья; партии не его дело; в мире искусства, как в мире божества, нет партий; когда поэт выходит на площадь, тогда он не поэт более – он перестает действовать инстинктуально, выходит из того положения духа, где время и пространство, прошедшее, настоящее и будущее не существуют; дело поэта – мир между всеми и торжество искусства. Лишь с этой высоты он должен низводить взор на подлунное. Как скоро поэт выходит из своего инстинктуального положения, тогда, по выражению древних, он перестает быть вдохновен богами, тогда он только человек, и, как человек, обуревается страстями, принимает в руководство земной разум вместо ума небесного и ошибается в пророчествах, тогда как истинный поэт никогда не ошибается.

Наука инстинкта должна явиться у русских.

Природа севера заставляет жителей его обращаться в самих себя и тем побеждать природу; такова роль в человечестве северных жителей. Жителей юга обманывает природа своею щедростью; они впадают в безумие, а природа начинает их мало-помалу выделять из недр своих; физическое спасение жителей юга зависит от жителей севера, издавна привыкших заменять силы природы своею собственной силой.

Желание южного жителя заглянуть на север и северного на юг не имеют ли чего-нибудь общего с наклонностью растения искать новую землю, равно с прививкою оспы. Северянин не прививает себе новую жизнь новым воздухом, новым климатом. Минеральные воды должны целебно действовать и сами по себе, но и испарениями своими в воздухе, и характером, который они сообщают всякой пище. В Карлсбаде все овощи, плоды и самое мясо отзываются вкусом воды.

Ничто не может быть труднее, как избавиться от судорог разума.

Мы не знаем безусловной истины, но имеем инстинктуальное познание добра и зла, которое заставляет нас судить о других людях, вещах (ибо суждение есть применение предмета к какому-либо мерилу); это инстинктуальное познание развилось в людях; в простолюдине оно почти немо; позна-

ния разума не помешают развитию этого инстинкта, ибо разум противоположен инстинкту; одно искусство, действующее на нас вне условий разума, действующее сомнамбулически, погружающее нас в мир сновидений, может возвысить этот инстинкт, точно так же, как в состоянии сна мы действуем инстинктуально вне условий разума. Оттого справедливо замечание Жан-Поля,² что для того, чтобы узнать свой природный характер, должно заметить его в сновидениях. Кто трусит во сне, тот от природы не храбр.

Различие двух природ: инстинктуальной и разумной – явственно отражается в наших чувствах; три: обоняние, вкус, детородная похоть – действуют без нашей воли; три же: слух, зрение и осязание – большей частью не могут действовать без нашей воли. Мы управляем и первыми, во менее. Необходимо, чтобы разум наш иногда оставался праздным и представлял устремляться вне себя, иначе дать место развитию инстинктуального чувства, ибо точно так же, как человек может дойти *до сумасшествия*, предаваясь одному инстинктуальному бессознательному чувству (высшая степень сомнамбулизма), так может дойти до глупости, умертвив совершенно в себе инстинктуальное чувство расчетом разума. Таким образом, первообразы поэтические являются ду-

---

² ...замечание Жан-Поля... – Жан-Поль – псевдоним немецкого писателя и философа Пауля Фридриха Рихтера (1763–1825). В. Г. Белинский утверждал, что Одоевский «по духу, форме и достоинству своих произведений» близок к Жан-Полю (см.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. V. М., 1954, с. 64).

ше лишь во время ее инстинктуального состояния, явление сих первообразов в материи есть преимущественно дело разума. Развитие этого инстинктуального страдательного чувства так же необходимо и трудно, как развитие разума. Точно так же, как надобно учиться мыслить и выводить мысль из другой, так надобно учиться и отсутствию последования мыслей; как надобно учиться наблюдать предметы, так надобно учиться сие наблюдение останавливать в собственной душе своей, так же искать премудрости изнутри, как и извне. Разум действует лишь в круге известных ему предметов и по законам, им самим изобретенным; духовный инструмент открывает неизвестное и по сим законам, разумом не определенным, которых он может знать существование, но подробности которых ему неизвестны.

Магнетическое состояние – это степень инстинкта – происходит не от каких-либо доказательств или выводов магнетизера больному, но от инстинктуального чувства магнетизера, для него самого неизъяснимого, по сочувствию которого естественную метафору видим в звуках, душа больного, на которую действует инстинктуальная сторона гипнотизера, приходит сама в инстинктуальное состояние. Высшее магнитное состояние есть смерть, в которой разум уничтожается, а остается одна инстинктуальная сила; мы не можем перевести сей силы на язык разума, оттого не можем на сей язык перевести и состояние смерти. По инстинкту нам сие состояние понятно, как понятна инстинктуальная сила; мы ее чув-

ствуем, разум видит ее действия, но изъяснить их, назвать под свои законы не может. Так, например, идею жизни мы не можем вывести отвлечением, но верим сей идее инстинктуально (см. Каруса,³ примеч к пар. 5 «Vergleich Anatomie»⁴).

Есть люди, которые сносят всякую нелепость, лишь было бы в ней чувство; другие не доверяют самому правильному силлогизму, если он выражен с чувством; чувство их пугает – они подозревают в нем безумие и стараются всячески от него отложиться, как от лукавого наваждения.

Акт нравственного самопознания чрезвычайно труден для человека, мы не можем довольно отделиться от себя; наше собственное Я, т. е. наши страсти, наше воображение, вообще самое состояние духа, на которое действуют столько различных влияний, мешают нам всмотреться в гармонию нашего духа, ибо мы его часто рассматриваем тогда, когда он находится в взволнованном состоянии, и оттого мы не понимаем этой гармонии, точно так, как медик, который

---

³ См. Carus «Grundzüge d vergl Anatomie». Эта знаменитая книга, совершившая перелом в понятиях об организме, известна всякому естествоиспытателю; мы рекомендуем ее, а равно и другую того же сочинителя: «System der Physiologie», Dresden, 1839 – поэтам и художникам, тем более что в этих книгах глубокая положительная ученость соединяется с тем поэтическим элементом, благодаря которому Карус умел соединить в себе качества физиолога первой величины, опытного врага, оригинального живописца и литератора.

⁴ «Сравнительной анатомии» (нем.).

бы, рассматривая болезненный организм, почитал, что он рассматривает нормальное строение организма. Этой причине должно приписать все эти системы отчаяния, неверия в совершенство человека нашего времени. Дух, потрясенный внешними обстоятельствами, видит самого себя в искаженном виде и думает, что это состояние есть нормальное. Для этого необходимо обращать внимание на физическую сторону природы; ее мне можно рассматривать – она составляет нечто отдельное от нас; мы спокойнее можем рассматривать ее гармонию, ибо она не нарушается внешними обстоятельствами, или по крайней мере мы легче можем заметить эти нарушения. От гармонии физического мира мы можем заметить о гармонии духовного и увериться, что мы, находя в его нормальном состоянии нелепость, ошибаемся. В этом смысле естественные науки необходимы для человеческой нравственности.

Атомистики селятся подвести явления органической природы под ту же теорию атомов, под которую, по их мнению, им удалось подвести природу неорганическую. Но, наблюдая за движением науки в мире, можно быть уверенным, что, может быть, один день отделяет нас от такого открытия, которое неопровержимым образом покажет произведение вещества от невещественной силы, – и тогда исчезнут все так называемые невесомые тела и другие выдумки эмпиризма, и какой стыд будет тогда для ученых. Многие наблюдения при-

водят к этой мысли: наблюдаем тела, при одинаковом составе имеющие различные свойства. По атомистической теории это странное явление объясняют тем, что частицы располагаются различным образом, но если эти частицы одинаковы, то отчего они располагаются различным образом? Стало быть, есть нечто такое, что их располагает тем или иным образом, – уж не новая ли какая жидкость? Видимо, делается не менее затруднительно и электричество, если это жидкость, то как не истощается она при изолированных подушках, при изолированном кондукторе? Что если найдется, что одного действия электричества достаточно для превращения одного тела в другое, тогда что такое будет материя?

Отражение в зеркале может служить прекрасным примером, каким образом явление, действующее на чувство, может и не быть телом, не состоять из атомов.

Те ошибались, которые хотели подвести всю природу под математические законы. Коль скоро мы приближаемся к внутренней стороне природы, так исчезает главнейшая аксиома механики о том, что две противоположных силы уничтожают друг друга. Если сила притяжения равна силе тяжести, отчего планета не останавливается впереди солнца; если она не равна, отчего планета не устремляется к солнцу или не удаляется от него. Противоположность двух полюсов в электризме производит искру убийственную. Противопо-

ложность кислоты и щелочи производит среднюю соль, из которой происходят почти все существа на планете, вместе с окислами, которые суть противоположное от металла с оксигеном.

Великое дело – понять свой инстинкт и чувствовать свой разум. Мы беспрестанно находимся в некоторой относительной темноте, о которой может дать понятие человеку воспоминание о его детстве; сколько вещей в то время, которые теперь нам кажутся состоянием слепого. Так продолжается во всю жизнь – и все стремление человека – выйти на свет.

Инстинктуальная поэтическая деятельность духа отлична от разумной в образе своих действий, но в существе своем одинакова. Так бессознательно развивались во мне одна за другою повести Дома сумасшедших и, уже окончивши их, я заметил, что они имеют между собой стройную философскую связь.